

«Песни, песни, о чём вы кричите?..»

*Сергей Есенин в эпоху новой политкорректности,
аватарок и эмодзи*

В заочном «круглом столе» «ДН» принимают участие:

*Иван ВОЛОСЮК, Надя ДЕЛАЛАНД, Бахыт КЕНЖЕЕВ,
Константин КОМАРОВ, Марина КУДИМОВА, Анна МАРКИНА,
Роман РУБАНОВ*

Иван Волосюк, поэт (г.Донецк)

Поэтическая эпидемия

Поначалу я категорически отказывался сделать для «Дружбы народов» даже пару абзацев текста о Сергее Есенине. Действительно, что можно прибавить к сказанному специалистами по теме — тем же Захаром Прилепиным, написавшим о советском классике несколько солидных томов (и книгу, вышедшую в серии «ЖЗЛ»)? Тем более, что с отношением к Есенину у меня, говоря языком социальных сетей, «всё сложно».

В таких вещах обычно не признаются, но одно стихотворение Маяковского «Сергею Есенину» мне всегда казалось более ценным литературным событием, чем само творчество Сергея Александровича. Не знаю, насколько корректна эта аналогия, но живет же в Екатеринбурге (и пишет замечательные самобытные вещи) поэт Дмитрий Рябоконь. А между тем широкому читателю он известен прежде как персонаж хрестоматийного стихотворения Бориса Рыжего — и с этим ничего нельзя поделать. Логику примерно такого восприятия поэта через другого поэта я распространил и на Есенина.

В провинциальном шахтерском городке, где я жил до поступления в университет, была литературная студия, которая называлась (вы никогда не догадаетесь!) — «Муза». Одним из студийцев был слепой композитор и поэт Евгений Седнев, очень добрый и, несомненно, талантливый человек, к сожалению, ныне покойный. Мне, молодому и дерзкому стихотворцу, казались чрезмерно незамысловатыми такие строки «дзержинского Гомера», тем не менее, в память врезавшиеся (цитирую их неточно).

...Что я не Маяковский, не Есенин,
Не Лермонтов и даже не Шукшин.
Какое твоё место, Е.Седнев,
В когорте поэтических вершин?

Почему же меня тогда не раздражали многочисленные попытки подражать Мандельштаму (в том числе собственные), но просто взрывала «есенинщина»? Два десятка лет я бежал от Есенина, выбирая себе в качестве титанов, на плечи коих имеет смысл взгромоздиться, сначала Осипа Эмильевича, а затем Бродского, Чухонцева, Гандлевского, Цветкова или Веденяпина.

А как быть с тем, что в программном тексте Цветкова «Было третье сентября...» явственно присутствует прямая отсылка к «последнему поэту деревни? Сравните «со святыми не пойду/соглашаюсь жить в аду» и «Я скажу: «Не надо рая,/Дайте родину мою»?»

Давид Самойлов говорит о «ста тыщ графоманов» и несметных полчищах одиноких девиц и влюбленных юнцов, сающихся писать стихи, но не создающих ни единого стихотворения. Мы понимаем, что большинство из них рифмует в столбик «под Есенина», и в силу заразительности (в рамках тех же литстудий) это явление давно призывают признать национальным бедствием, этакой «поэтической эпидемией». И виноват в этом не Есенин.

Одному донецкому ученому-филологу принадлежит следующее афористическое высказывание: если некий прибор показывает, что высшей точкой Кавказа является Машук, а не Казбек, значит, этот прибор испортился. Когда мне было 16 лет, мне в руки дали книжку «горняцкого лирика» Виктора Руденко и посоветовали использовать ее в качестве проводника в мир поэзии. Представляю, в какие болота вторичности молодого поэта может завести такая «путеводная звезда». А ведь тысячам начинающих авторов на местах (где имя Есенина используют, как знамя) в качестве вершин предлагаются Машуки, а нередко и расположенные по соседству холмы и пригорки. Вот это уже — настоящая проблема, и о ней нужно говорить со страниц литературных журналов и в юбилейные, и неюбилейные годы. Говорить неустанно.

Надя Делаланд, поэт (г.Москва)

Каминг-аут о Сергее Есенине

За Серёгу Есенина или Андрюху Шенью
По традиции пропили очередную зарплату.

Сергей Гандлевский

Лет в девять я принялась увлеченно осваивать поэтов, которые входили в круг читательских предпочтений моей мамы: Омара Хайяма, Расула Гамзатова, Евгения Евтушенко и Сергея Есенина. Мама активно отрекомендовывала мне их как хороших, а я была исключительно послушной и прилежной девочкой: сказали — хорошие, значит, надо их внимательно прочесть. И я читала каждую книгу от корки до корки с карандашиком, и, конечно, ценила афористичность Хайяма, по-разному дидактический месседж Гамзатова и Евтушенко, напевность Есенина, но смутно ожидаемого от великой поэзии озарения не испытывала.

И теперь, оглядываясь назад, я думаю, что с первыми тремя все более-менее понятно — их стихи были рассчитаны на рациональное восприятие, обращены к логическому мышлению и не предполагали никакого особенного выхода за пределы самоотжественности. Но что с Есениным? Он же — другой.

Вот я все время ратую за то, чтобы рацию не опережало более глубокого и целостного восприятия стихотворения, чтобы прежде, чем научиться понимать поэзию, мы научились ее не понимать. И, казалось бы, стихи Сергея Есенина так

напрямую апеллируют к чувствам, настолько контр-интеллектуальны, что я могла бы часто прибегать к ним на занятиях арт-терапией. Или хотя бы просто любить. Однако этого не происходит. В чем тут дело?

Во-первых, ум никому не обещал, как ни парадоксально, быть умным. Ум может быть всяким. Здесь маленькая языковая ловушка, ложный друг переводчика на язык смыслов, но мы в нее не попадем. Стихотворение, обращенное к рациональному сознанию, не обязано быть перегружено различными философскими кунштюками. Вполне довольно, чтобы оно просто включало причинно-следственные связи, то есть само содержало эти связи на уровне, скажем, истории, сюжета («Песнь о собаке», например).

Во-вторых, идя в обход рационального сознания, стихотворение должно заключать в себе на языковом и просодическом уровне нечто большее, чем поверхностная смысловая канва. Иначе ему просто будет нечего предъявить тому, кто его читает. И стихи Есенина содержат это большее, но оно залегает не в области компрессии смыслов, а в сфере чувств и эмоций. То есть стихи Есенина «подключают» читателя не столько через логику, сколько через эмпатию, способность сопереживать, узнавать и подхватывать в эмоциях, транслируемых поэтом, собственные. Для меня многие стихи Есенина в этом смысле избыточны — отпущенная мне природой впечатлительность не позволяет получить эстетической наслаждение от боли. Мне кажется, все это предназначено менее чувствительному читателю. И я даже подозреваю здесь некоторую подмену — возможно, эти стихи и не планировали доставлять эстетическое наслаждение, их целью было тронуть любым способом. И разные способы достижения чувств читателя в определенном смысле служат компенсацией дефицита художественности.

Эмоции, заложенные в поэтическом тексте, могут и часто оказываются мостиком, ведущим к максимально полному совпадению со стихотворением, но, на мой вкус и мой взгляд, маловато, когда этот мостик никуда не ведет, когда он самоцель и основная ценность. Все, что открывает такая поэзия, и так открыто, она просто напоминает нам о нас, о нашей способности чувствовать (что тоже, конечно, много и для многих актуально), но не обнаруживает новых смысловых пространств, не создает смыслового приращения.

Должна признаться, что не только поэтому я так и не сумела полюбить поэзию Сергея Есенина. Хотя, в первую очередь поэтому. Еще он не близок мне по складу личности. Хотя и Марина Цветаева не близка мне, но в ее случае гениальность затмевает и оттесняет все несовпадения, они перестают иметь значение. А в случае с Есениным несовпадения ощущаются первостепенно, что тоже о многом говорит.

Правда, я знаю для себя один способ отнестись к стихам Есенина теплее. И я его тайно практикую. Нужно просто начать считать их песнями. Тогда для меня все становится на свои места, преображается и сияет.

Бахыт Кенжеев, поэт, прозаик, эссеист (г.Нью-Йорк, США)

«По трагедийности не уступает Блоку»

Разный поэт Есенин. Начиная с милого лубочного патриотизма (которым, собственно, и купил петербургских высоколобых), поиграл с мистикой (довольно, впрочем, наивной), на некоторое время надел, как у Высоцкого «маску алкоголика», придумал какой-то смешной «имажинизм», попробовал эмигрировать в «железный Миргород» — и так и остался в русской литературе голубоглазым, черно-белым, простодушным юношей, эдаким русским Робертом Бёрнсом.

Он и сейчас значит, во всяком случае, среди читателей постарше, но проходит скорее по ведомству шансона. «Жизнь моя, иль ты приснилась мне?» — поют под гитару. И никто, кажется, не замечает, что эти стихи — гениальный римейк еще более классического лермонтовского «Выхожу один я на дорогу».

Я к тому, что Есенин глубже и сложнее, чем представляется широкой аудитории. В лучших вещах он маскирует истинную трагедию мелодраматическими интонациями и «народными» образами, но по трагедийности не уступает Блоку (которого тоже когда-то любили за побрякушки типа «девы радужных ворот» и прочих «чёрных роз в бокале»).

«Пугачёв» и «Чёрный человек», несомненно, написаны великим поэтом. Да и что греха таить, пронзительных лирических шедевров у Есенина тоже хватает. Что до привкуса жестокого романса под балалайку — это такой художественный прием, к нему привыкаешь быстро.

Добавлю еще, что при всем своем житейском разгильдяйстве Есенин на редкость точно обозначал свою, так сказать, гражданскую позицию. Понятно, что «не расстреливал несчастных по темницам», а вдобавок «отдам всю душу октябрю и маю, но только лиры милой не отдам», да и «задрал штаны, бежать за комсомолом» через сто лет звучит куда привлекательнее, чем модное в ту эпоху воспевание «чекистов и рыбоводов».

Словом, Есенин по-прежнему входит в число лучших русских поэтов прошлого века. И, в виде бонуса, за пределами популярности в интернете. Ну и слава богу.

Константин Комаров, поэт, литературный критик (г. Екатеринбург)

Встреча впереди

«Сергей Есенин» — неизменный ответ отечественного коллективного бессознательного на запрос «русский поэт». Думаю, чаще на этот вопрос отвечают только именем Пушкина, да и то — не факт. Но «перекликаются» ли «в наступивших сумерках» (а они, очевидно, наступили) Есениным, подобно тому, как перекликались, по словам Ходасевича, в начале двадцатого века именем Пушкина? Думается, что нет. Не уверен, что в нынешних «сумерках» вообще «перекликаются», и уж совсем маловероятно, что именами поэтов.

Всенародная любовь к Есенину столь же обширна, сколь и поверхностна, ибо основана на мертворожденных стереотипах и клише. Любят не Есенина, а его образ, надо сказать, любовно выпестованный самим поэтом. Есенин, пожалуй, первым в русской поэзии (в прозе — Горький) проявил себя талантливым имиджмейкером, сознательно и последовательно «делавшим» свою биографию, создававшим автомиф. Есенинолюбывы привычно умиляются матери-старушке в «старомодном ветхом шушуне», не задумываясь, почему бы биографическому лирическому герою не купить матери (а гонорары и кафе «Стойло Пегаса» с кинотеатром в собственности — позволяли) новомодный, шегольской «шушун». Восхищаются верности поэта своим крестьянским корням, не сильно переживая, что родное Константиново Есенин навещал по большим праздникам, смертельно там скучал и при первой возможности возвращался в столичную пучину со всеми её губительными соблазнами: такую показательную «поездку» на малую родину, начавшуюся и завершившуюся пьянкой на московском вокзале, описывает Катаев в замечательной книге «Алмазный мой венец».

Значение же Есенина для многочисленных самодеятельных стихотворцев «от сохи» и вовсе трудно переоценить. Эти авторы бесконечных сочинений о живородящей пшенице, рожашейся ржи и прочих дарах матушки-земли любят «рязанского Леля» исключительно за то, что он является бессрочным легитимизатором их собственной графомании. «Под сенью» Есенина пышным цветом расцветают самопальные премии, в положениях которых обязательны «следование традициям русской классической поэзии», «нравственные ценности» и пр., а в их названиях звучная фамилия Есенина истрёпана уже до полного неприличия. Кстати, интересно: столь же б сильно любили бы Сергея Есенинова — именно такая фамилия была у его предков, и сокращение на слог произошло по чистой случайности (но поэтам Серебряного века вообще с фамилиями и их органичностью стихам повезло, и Есенин здесь — не исключение).

Есенин считается простым поэтом, внятным сердцу человека «из народа», и мало кто задумывается о сложной, модернистской структуре даже самых растиражированных его образов (вроде «зёрен глаз» или «сини, сосушей глаза»), не говоря уже о поэмах начала 1920-х годов, вроде «Сорокоуста» или «Кобыльях кораблей», чья сюрреалистическая образность даст фору многим авангардистам. Вспомним хотя бы знаменитый зачин «Чёрного человека»: «Голова моя машет ушами,/ Как крыльями птица,/ Ей на шее ноги/ Маячить больше невмочь». И пусть графологи до сих пор спорят — «шее ноги» или «шее ночи», психоделической мощи образа это не отменяет. А «деревья, как всадники, съехались в нашем саду» вообще представляется мне одной из самых страшных строк в русской поэзии. Далеко от сюсюкающего умиления исконной-посконной Русью, согласитесь...

В общем и целом массовую рецепцию творчества Есенина подытожил ещё Евтушенко во вступлении к поэме «Братская ГЭС»: «Есенин, дай на счастье нежность мне/ к берёзкам и лугам, к зверью и людям// и ко всему другому на земле,/ что мы с тобой так беззащитно любим». Вот этой нежностью, тем, что «братьев наших меньших никогда не бил по голове» и мил Есенин до сих пор русскому сердцу. А что людей он любил не так сильно, как животных (измывался, например, над беззащитным Хлебниковым, торжественно вручив ему кольцо Председателя Земного Шара, а потом под гиканье и улюлюканье сотоварищей-имажинистов отобрав, заставлял «плясать» несчастную Айседору и т.д.), — это ладно, это проходит по разряду стихийности и «широты — я бы сузил — русского человека», жизнотворчества, смертостроительства и героического самосожжения.

Всё это я только к тому, что прежде, чем любить (или ненавидеть) поэта, надо попробовать этого поэта понять. Разобраться в трагических противоречиях личности и судьбы Есенина, уяснить подкладку его послереволюционной раздвоенности («остался в прошлом я одной ногою»), отчаянную обреченность желания «задрать штаны бежать за комсомолом». Прочувствовать всю эту тяжелую «выбель-гибель», чарующим и пугающим маревом окружающую многие строчки Есенина. Такое понимание даст объемную фигуру поэта, и уже по отношению к ней можно спокойно определяться в любви-нелюви. Но к такому пониманию нынче, по моим ощущениям, мало кто стремится. Гораздо проще и душеполезней вздыхать над глянцевыми березками, которые Есенин «отработал» еще в юности — в стихах типа «Родился я с песнями в травном одеяле, воды меня вешние в радугу свивали»...

Только так может произойти полноценная встреча с поэтом, которую он предсказывал в предсмертных строках: «Предназначенное расставанье обещает встречу впереди». Пока до этого далеко, о чем свидетельствует хотя бы невыносимая пошлость открытого к 125-летию поэта в Москве памятника. Это памятник не поэту, а поверхностности и дежурности отношения к нему. Пока большая часть почитателей таланта Есенина недалеко ушла от его разной степени безымянности дружков-собутельников, окруживших его дешёвой, удушающей лестью («Серёжа — ты наш гений», «Серёжа, ты всех съешь»), цель которой замыкалась на халявной выпивке.

Таких «поклонников» прекрасно представил Маяковский в стихотворении «Сергею Есенину»: «к решёткам памяти уже понанесли посвящений и воспоминаний дрянь». Маяковский, хоть и был главным эстетическим оппонентом Есенина (называл его «из хора балалаечник», цикл «Персидские мотивы» окрестил «восточными сладостями» и т.д.), но как большой поэт к гибели другого большого поэта отнёсся с живой болью. Потому что понимал.

Но не будем отчаиваться: в конце концов, фигуру Николая Некрасова актуализировали, казалось бы, бесконечно далекие от него символисты, уловившие и расслышавшие изощренность его поэтической просодии. Может быть, и к Есенину найдутся ключи с самой неожиданной стороны, и «встреча впереди» произойдет. Большой русский поэт Сергей Есенин этого заслуживает.

Марина Кудимова, поэт, переводчик, литературовед (г. Москва)

Иль вас не стяхнуть?

«Нигде, кроме как в первом томе», — мрачно шутили в моем молодом филологическом окружении о Маяковском. «Везде, кроме как в первом томе», — так можно перефразировать бесцеремонный каламбур, формулирующий тогдашнее наше отношение к знаменитому пятитомнику Есенина 1961—1962 гг. В библеизмы и мифопоэтику его ранних стихов я погрузилась гораздо позже. Не скажу, что полюбила, — слишком много насчитала влияний. К тому же в «Библиотеке поэта» малыми дозами вышли корифеи Серебряного века и выстроились аналогии. Но, кажется, кое-что я поняла — и в Есенине, и в себе.

Касаемо рассыпающихся на блоки от зачитанности остальных томов заветного малоформатника, к ним в пору моего отрочества применим анамнез Ю.Мамлеева из «Крыльев ужаса»: «...есть лишь два писателя, которые могут довести до сумасшествия... Достоевский и Есенин. Причем на почве Есенина больше. У нас есть целая группа детей, возраст примерно 14-15 лет... Вся их жизнь проходит в том, что они до конца погружены в поэзию Есенина. Они не хотят жить, не хотят что-либо делать, кроме того, чтобы читать наизусть стихи Есенина... Они читают эти стихи целыми днями, плохо спят, встают по ночам и тоже читают вслух или про себя стихи, бродят по палате, что-то думают. Их очень трудно вывести в мир, почти невозможно. Что-то надорвалось в их душе от этой поэзии...»

Трагедия самого Есенина и драма «бродящих по палате» недорослей имеют общую природу, хотя и разную результативность. Это последовательное жертвование начатками духовного в пользу душевного в поиске «истинных чувств». Человек в стадии молочной спелости остается наедине с собой — или со стихами поэта, с которыми он себя отождествляет, без всякой метафизической защиты. Сумасшедших как в России называли? Правильно: душевнобольными. Дохождение до нерассуждающего фанатизма в конце предыдущего века случилось в отношении Надсона. Он далеко уступал Есенину в даровании, но интенции совпадают.

Роковой надлом в Есенине произошел после весьма удачной — можно сказать, триумфальной поездки в Петроград. Внутренней трещине сопутствовал резкий версификационный скачок. Слабое и вторичное «Наша вера не погасла» с декларацией «Не одна ведет нас к раю/ Богомольная тропа» соседствует с уже вполне есенинским по поэтике «В том краю, где жёлтая крапива»:

Я одну мечту, скрывая, нежу,
 Что я сердцем чист.
 Но и я кого-нибудь зарежу
 Под осенний свист.

Написаны два стихотворения в одном и том же году — 1915-м. Причем второе предопределило неиссякающую любовь к Есенину «блатных», отмеченную еще В.Шаламовым, и следом за ними — стремительно приблатняющейся интеллигенции. Всего через три года бывший «смирный инок», ныне — «пророк Есенин Сергей» напишет «Инонию» с исторгнутым причастием. «Железный Миргород» с рацпредложением оборудовать в церквях отхожие места появился в 1923-м. Предложение в целом было встречено заинтересованно и нашло широкий отклик.

«Есенин никого не любил, и все любили Есенина», — сказал Мариенгоф. Поди проверь, насколько прав был лучший друг и что было лицом, а что маской — «хулиган» или «вербочный херувим». В 60—70-е годы, в только начинающем ионизироваться религиозными порывами воздухе проникновенность Есенина заполняла вакуум «научного атеизма».

Почему именно Есенин с его скандальной славой и поэтикой, мечущейся от символизма к имажинизму и от традиционализма к романтизму с приставкой «нео», сделался образцом для сонмов лишенных дара, но инфицированных вирусом знаменитости? Может, они сосредоточились как раз на первом томе? Или выбрали наугад только «Стихи скандалиста»? Нет, дело здесь явно не в легкости имитации стиля и способа рифмовки. Никто не зацепит, как «Отговорила роща золотая» или «Ты запой мне ту песню, что прежде...», хотя, казалось бы, все лекала в свободном доступе. И не в «простоте языка» секрет. Что, например, означает в стихе, ставшем заголовком опроса, глагол «кричите»? Усиление голосового сигнала? Лишь отчасти. На Рязанщине «кричать» — синоним «плакать». «Простота» в хороших стихах вообще иллюзорна, манипулятивна, рассчитана на незаметное эмпатическое подключение, а у Есенина она еще и часть личного мифа. По силе душевного импульса его в XX веке не превзошел никто. Черный человек, несмотря на все уловки, не одержал окончательную победу. Но приемы его стали куда изощреннее. «Желтый тлен и сырость» (столько, сколько Есенин, о смерти мало кто размышлял и писал) подернули таинственный орган восприятия поэзии, оставленный человеку после потери Бога.

Что же ожидает эту поэзию в прекрасном цифровом мире, первым делом снова ревизующем Бога, а заодно и глушащем эмоции и равнодушном к любой смерти, кроме своей? Вопрос, звучащий в стихотворении 17-18 годов, с каждым днем становится актуальнее: «Песни, песни, иль вас не стряхнуть?..» И все чаще мнится, что очень даже «стряхнуть!» Что «лирическое чувство», по самоаттестации Есенина, да и простая эмоциональность иссякают, словно Аральское море. Что визуализация и осмайление «контента» уводит от подарка солунских братьев Кирилла и Мефодия к блогговому асемическому письму, лишенному как смыслового, так и тем более чувственного содержимого. Но задушевность по-прежнему растворена в русском пространстве.

«Его не вырвешь из полей и рощ», — заметила в разговоре Анна Ахматова о Есенине. И мы любим его не за то, чего он лишил себя и чего мы сами охотно лишились, а за то, что он такой страшной ценой, так безоглядно саморазрушительно отдал нам. Более того: мы вдолгую живем в мире есенинских образов, даже независимо от того, любим ли его. Борис Примеров сказал:

И грустят мои мгновенья,
 Улыбаются века,
 Как задумал их Есенин
 Издалёка-далека...

Анна Маркина, поэт, со-редактор журнала «Формаслов» (г.Люберцы)

Месторождение русской души

Пожалуй, нет для русского народа поэта более драгоценного. Его учат наизусть школьники, цитируют трактористы, носят у сердца влюбленные женщины и исполняют рок-звезды. Если пытаться ассоциировать с камнем или металлом, поставить в ряд, где цветаевские стихи — рубиновы, пушкинские — увесисты и прозрачны, как хрусталь, тянутся фарфоровые строки Гумилева и бьет плотная мандельштамовская нефть, стихи Есенина — чистое речевое золото. Месторождение самой русской души.

У нашего журнала есть канал на «Яндекс-Дзене». Среди сотни постов на разные темы самый популярный материал — статья о Сергее Есенине. В то время, как обычные новости набирают тысячи-десятки тысяч показов, эта скоро переберется за пятьсот тысяч. Полмиллиона показов. Настоящее поле боя в комментариях. Ломаются копья, звенят кольчуги рифмованных переживаний. Развертываются фантазмагорические вариации на тему смерти поэта. Люди не могут вынести упоминания о том, что медицинский эксперт А.Г.Гиляревский 29 декабря 1925 года указал: смерть наступила от асфиксии через повешение. Людей возмущает не только версия о самоубийстве сама по себе, но и просто упоминание конца. «Зачем вы включили это в биографию?» — с искренним непониманием возмущались наши читатели. Это как будто чужой прикоснулся к урне с прахом близкого родственника или потоптался на отцовской могиле. Любовь народа — как наводнение, она смывает все, не разбирая дороги. Есть только ослепительный высокий образ певца несвятой Руси, удальца и хулигана, романтика и светлого отрока, ведущего спор с божественной тайной.

Серебряный век подарил нам столько больших имен! Почему же широкое всенародное признание обрушилось именно на Есенина? Разве мало в русской поэзии узнаваемых подробностей быта, «калиток осеннего сада» и «опавших листьев с рябин»? Разве мало «голубого огня», лебединых рук и «нежностью пропитанного слова»? Что же тогда? Надлом и боль, эхом отдающиеся в читателях? Но первая половина XX века вся есть открытый перелом на теле прежнего мира. Время, ошпаренное революциями, войнами и репрессиями. Разве мало боли и тоски об идеальном мире у других? Очень даже много. Но, может быть, с меньшим количеством тепла? Есенин не просто фиксирует солончаковую тоску, которую тащит с собой через всю жизнь обычный русский человек, он протягивает ему руку, он не бросает своего героя наедине с тоской, а окружает его сочувствием. Он признает в себе темную сторону, черную человечность и рогожинскую готовность зарезать того, кто ближе.

Мы рождаемся с болью и с болью идем к свету по «богомольным тропам». И спустя век большинство из нас продолжает жить среди драк, кабаков, изб и подгнивших крестов. Именно про эту больную Русь есенинские «ветровые песни», как можно было бы их окрестить по Блоку. Песни от земли до неба. Где непутевая жизнь окрыляется раскаянием. Где интонация теплой грусти окутывает весь живой мир: небитых тварей, милых птиц и щенков в мешке. Лирический герой марширует неприглядной дорогой к выстрадавшему прощению и ему сопутствует божественное: молитвословный ковыль, «скит синих рощ», «чисточетверговая звезда». Он продолжает идти, «радуясь, свирепствуя и мучась». И несет в себе большую, сокрытую, околосемляную веру в то, что придет он «по равнинам к правде сошьего креста».

И до тех пор, пока мы не вырастем, на научимся жить спокойно и счастливо, не «терять свою жизнь без оглядки», Сергей Есенин будет с нами. Золотой отблеск, осеннее предчувствие гибели и весенняя надежда на преображение.

Роман Рубанов, поэт, режиссёр (г. Москва)

Знакомый ваш Сергей Есенин

«Знакомый ваш Сергей Есенин» — название не оригинальное. Это уже штамп №339. Но другого названия для спектакля у меня не было. В этом названии сошлись узнаваемость (знакомый) и неизвестность (а знакомый ли?). Зритель ожидал стандартный набор текстов памятных со школьной скамьи, перепетых эстрадными исполнителями, прочитанных артистами... А тут — он столкнулся с другим Есениным. Не с тихим и ожидаемым лириком, плачущим о деревне, вместе с клином журавлей пролетающим над полем, а с... ну, можно сказать, что жестоким, жестким, ироничным... Я должен был огорчить зрителя, что спектакль, с моей точки зрения, совершенно не дает представления о Сергее Есенине. Потому что это не истина, это попытка подсказки, попытка помочь в подборе ключей к сердцу поэта, которое, конечно, есть его стихи.

Итак — выбраны тексты, определены персонажи. Персонажей двое: Есенин и Бениславская. Почему Бениславская? — спрашивали меня много раз. Почему не Мариенгоф? Потому что хотелось хотя бы здесь, раз уж в названии не удалось, уйти от штампа. К тому же мне важно было, чтобы зритель увидел поэта одновременно и глазами поэта (самого), и глазами женщины, его любившей. Есть в спектакле и мать Есенина, но она нарисована условно, как и должно быть в театре, без явного натурализма и излишней ботаники. Зритель (я имею в виду профессионального зрителя) поймет, что натурализм к искусству никакого отношения не имеет. Как говорил Михаил Чехов: «художник ничего не может привнести от себя в натуралистическое “произведение искусства”», задача его при этом «ограничивается уменьем более или менее точно скопировать “натуру” и, в лучшем случае, привести в новое соотношение то, что существовало и существует без него, вовне. Он поймет, что заниматься натуралистическим искусством — это быть не более как фотографом “натуры”. И безотраднa будущность натурализма в театре». В театре всё условно. Но вернемся к этому позже.

Диалог с матерью происходит примерно так: Есенин сидит спиной к зрителю, мать — лицом. Она читает письмо — «...если можешь ты, то приезжай...» Происходит диалог с пустотой. Потому что для Есенина (моего) нет матери. Уже нет. Нет ничего. Она говорит в пустоту. А он говорит со временем, с которым не может никак договориться.

В другой сцене, где он возвращается «в край осиротелый», у него происходит еще один разговор, но уже с двумя временами одновременно, с двумя странами. В момент, когда «крестьянский комсомол» отплясывает под «агитки Бедного Демьяна» (аранжировку я взял современную), Есенин говорит: «Вот так страна...» — и говорит он не только РЭСЭФЭСЭРУ, но и современной России. В которой ничего не изменилось с тех пор. Агитки актуальны, они на слуху, они легко воспринимаются. А поэзия... что поэзия? Поэзия — это о другом.

Условность пространства была решена множеством вешалок. Это символ. Не нужно обживать комнату рукоюником, патефоном, окном с занавесками. Вешалки. Это говорит зрителю и о судьбе поэта, и о судьбе эпохи в целом. Изначально я хотел их подвесить, но технические особенности малой сцены не позволили. Я всегда стараюсь уходить от натурализма. Вообще, натурализм сотворил, взрастил интересную публику, которая утратила ощущение реальности. Парадокс? Не думаю. Условность заставляет думать, подключается всему организму, вламывается в действие. Натурализм выдает копию. Я не собирался заниматься ботаникой.

Репетиция — любовь моя, — сказал Анатолий Эфрос. Я это усвоил. И начал свою репетицию еще задолго до появления сценария, музыки, декораций, самого спектакля. Еще в школе, пожалуй. Мне был любопытен Есенин. Не его рябиновые кисти, хотя и они тоже, но поэт, с его отношением к миру. С его пониманием мира. Я пытался уловить нерв.

Всё это до определенного времени во мне жило и копилось. По роду профессии я много стихов знаю наизусть. И в один прекрасный момент я просмотрел Есенинские стихи у себя в памяти и понял — это спектакль. Спектакль о поэте, которого я вижу несколько иначе, чем остальные. Наверное. Образ создавался по частям.

Есенин мне представляется перегорающей лампочкой. Вот она мерцает, а вот разгорается ярче, из последних сил. И в этом задача моего Есенина. Он уже, как и перегорающая лампочка, не видит кружащих мотыльков, не видит людей, находящихся под его светом. Он знает только одно — надо выдать максимум света. И выдает его.

Движений Есенина я не видел, но голос слышал и начал отталкиваться от его речи, начал проникать в этот прорвавшийся голос. Начал понимать его сквозь стихи, которые, на мой взгляд, актуальны до сих пор. Они живые. Они болят. Они звучат так, как будто написаны сегодня. Вот совсем недавно. Человеком близким и знакомым. Потому что — «Знакомый ваш Сергей Есенин». Человек, который мне знаком и не знаком одновременно. Поэт, которого я заново открываю для себя с каждым спектаклем.